

ПИСАТЕЛЬ
И ЖИЗНЬ

О Р У Ж И Я ЛЮБИМЕЙШЕГО РОДА

О ЧЕМ бы мы ни заговорили с Валентином Владимировичем Овечкиным, разговор, в конце концов, обязательно коснется нашей колхозной деревни. С проблемами ее развития, духовного роста советского крестьянства неразрывно связано все творчество писателя.

Современной колхозной деревне, ее людям посвящена и последняя работа Валентина Овечкина — пьеса «Навстречу ветру». Эта пьеса, имеющая и свои достоинства, и свои недостатки, на первых порах не во всем правильно была понята и оценена некоторыми нашими критиками. В частности, несправедливо резкую оценку получила она в статье критика В. Дорофеева на страницах «Литературной газеты». В. Овечкин много работал над сценическим вариантом драмы, и сейчас пьеса с успехом идет в Курском драматическом театре.

Валентина Владимировича редко можно застать в кабинете. Он постоянно в разъездах. Среди близких друзей писателя можно встретить председателя колхоза и агронома, тракториста и комбайнера, животновода и мелиоратора, директора школы и секретаря райкома. Квартира Овечкина нередко превращается в своеобразное место для колхозного собрания, где выступающие не придерживаются регламента.

Среди знакомых писателя в Курской области можно встретить многочисленных прототипов его героев. Большинство из них живет в Льговском районе, там, где вскоре после окончания Отечественной войны почти пять лет жил сам Овечкин и где он написал первые очерки из цикла «Районные будни».

— Не могу я согласиться с категорическими утверждениями некоторых литературоведов и критиков, — замечает В. Овечкин, — что очерк якобы вымысла не допускает... Я уже говорил в 1955 году на Всесоюзном совещании литераторов, пишущих на колхозные темы, что есть такой очерк, где все строго документально: конкретные лица, колхозы, заводы, стройки, события; такой очерк имеет главным образом познавательное значение. Но есть еще и другой вид очерка, я бы сказал, — очерк-исследование, где ведется большой разговор с читателями в художественной форме по поводу каких-то явлений жизни. В таком очерке фактическая точность — лишь в самом существе описываемого явления. А во всем остальном руки автора так же развязаны, как и в любом другом жанре. Можно вводить в действие вымышленные персонажи, можно прибегать к домыслу, к обобщениям. Пожалуй, ни в одном другом жанре нет такого простора для обобщения, как в очерке-исследовании.

Если сравнить нашу литературу с армией, ведущей наступление на идеологическом фронте борьбы за коммунизм, то очерк представляется мне как бы небольшим подвижным разведывательным отрядом, выброшенным далеко вперед... Я несколько не хочу принизить значение романа, этого фундаментального, основного жанра во всякой литературе. Но ведь романы, как мы знаем, пишутся иногда пятидесятилетиями и даже десятилетиями. А время у нас сейчас такое бурное, все так быстро растет, изменяется! Сколько на наших глазах возникает новых процессов, в которые надо вмешиваться средствами художественного слова! И тут, кроме романа, необходимы и другие, более легкие, более оперативные виды литературного «оружия».

Иногда мы бережем тот или иной острый, злободневный вопрос для того,

чтобы «вставить» его в какую-то большую вещь, которая будет написана, может быть, через пять лет. А между тем нужно именно сегодня выступать специально по одному этому вопросу с деловой статьей. В романе или повести можно иной раз «забеллетризовать» острые мысли так, что они потеряют если не всю, то половину остроты, будут восприниматься как интересное чтение, а не как постановочные вопросы для практических решений. Значит, ничего не остается, как, оторвавшись на день — два от наших «больших полотен», взять да и написать иной раз обыкновенную статью.

— Надо нам, — говорит писатель, — обращаться к самым насущным вопросам сегодняшней жизни, не страшась остроты и сложности затрагиваемых проблем... Если робеешь, — лучше не берись. Если заранее опасаться: ах, трудно будет это напечатать! — не пиши совсем, не мучайся и тему не мучай. Робость непременно где-то скажется в твоих писаниях, критика перейдет в нудное брюзжание, и действительно эту вещь трудно будет потом напечатать. Но если уж поднимаешь острые вопросы, то, предвидя всякие возражения и разнотолки, договаривай все до конца. Есть у нас одна-единственная правда — правда нашей партии, правда нашего огромного общечеловеческого дела. Поэтому надо, чтобы никакой злопыхатель не мог вложить иное толкование, иной смысл в написанное тобой. Острые темы требуют прежде всего ясности ее изложения. И, само собою разумеется, правильного анализа и синтеза.

Овечкин — активный собеседник. С ним можно говорить часами по самым различным вопросам. Правда, «свободных часов» у него почти никогда не бывает. Он — член областного комитета партии, депутат областного Совета, член областного Комитета защиты мира, член правления Союза писателей СССР и РСФСР, член редколлегии альманаха «Простор» и журнала «Новый мир».

Много времени Валентин Владимирович отдает переписке со своими многочисленными корреспондентами. Письма с адресом «Курск — Овечкину» поступают почти ежедневно из самых различных мест. Особенно подробно отвечает писатель на различные запросы начинающих литераторов.

— Кого Вы считаете талантливым из молодых?

— В наше время молодыми почему-то считают тридцатилетних, а то и сорокалетних, нередко забывая, что Лермонтов жил всего двадцать семь лет... У нас много талантливых литераторов, но из прозаиков, пишущих о деревне, мне хочется прежде всего назвать москвича В. Тендрякова, сибиряка Л. Иванова, ростовчанина А. Калининна, ленинградца М. Жестева. К сожалению, каждый из них не так уж молод. Хочется, чтобы за колхозную тему поактивнее брались двадцати—двадцатипятилетние одаренные поэты и прозаики. Кому, как не им, молодым и здоровым, пахать целинные и залежные земли нашей колхозной литературы?!

Когда у нас появляется книга, где действуют не люди, а бледные бесплотные тени, то виновата не жизнь наша, в которой якобы повывелись шекспировские страсти. Виноваты худосочие самого автора, его собственный холодный темперамент.

На Третьем писательском съезде много и правильно говорилось о мастерстве, о разнообразии жанров. Но жаль, что мало было сказано о сатире. Сатирики должны быть возбудителями обществен-

ного гнева против обывателей и шкурников. Средствами своего особо действенного жанра они должны помочь созданию такого настроения в обществе, чтобы уклонение от работы на переднем крае нашего строительства стало таким же позором, как дезертирство с поля боя.

Овечкин говорит спокойно, сдержанно, свои убеждения не навязывает, но отстаивает их с упорством.

— В отличие от некоторых наших «теоретиков» литературы, я всегда был убежден в том, что все в нашей жизни может автором обобщаться и типизироваться. В том числе и плохое следует типизировать, чтобы легче было распознать то или иное явление, добраться до его корней. Но некоторые авторы типизацию отрицательных явлений подменяют собирательством, коллекционированием всякой дряни, которая попадает им на глаза в нашей жизни. И вот иной раз такие трипичники содержимое своей сумки вываливают в книги и выдают все это за «правду»... Объемное, перспективное видение и понимание жизни, при котором плохое не заслоняет хорошего, а хорошее не мешает трезво оценивать вред от плохого, приходит к писателю опять же в результате большого знания жизни. Литература — это не щекотание пяток отдыхающим после сытного обеда. Литература — это вмешательство в жизнь. Это рычаг, продвигающий жизнь вперед. К сожалению, мы не всегда пользуемся этим «рычагом» умело и эффективно.

— А что Вы пишете сейчас?

— Пишу неотложные статьи, работаю над пьесой о связи творческой интеллигенции с жизнью народа, думаю о новой вещи...

— Что это будет — очерк, повесть, роман?

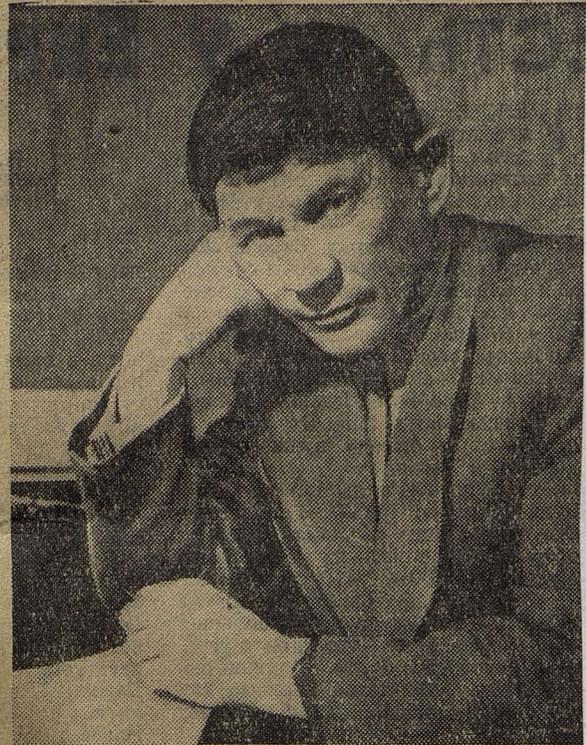
— Сейчас еще трудно определить жанр... Но всю жизнь я пишу о деревне, и сейчас уже поздно изменять любимой теме.

Овечкина надолго задумывается, потом вполголоса продолжает:

— Вы, конечно, не думайте, что я выдам за год «на-гора» роман, и пьесу, и поэму... Чудес в моей творческой биографии не было. Рос медленно, постепенно, трудно...

Какую книгу положит Овечкин на стол завтра, трудно сказать. Может быть, это будет сборник статей, может быть, — очерки. Или повесть. Или рассказы. С уверенностью можно предсказать, пожалуй, только одно — книга будет волновать души людей, потому что ее автор живет думами народа.

М. ЛАПШИН

Валентин Овечкин.